

САГА ВОЛЬПЕ

ТРЕТЬЯ
ЛИНИЯ

Сага Вольпе

Третья линия

«Автор»

2026

Вольпе С.

Третья линия / С. Вольпе — «Автор», 2026

Три линии должны были навсегда запереть древние Врата. Теперь кто-то превращает замки в ключи. Первая линия проснулась в Мирине — бывшей гладиаторше, командире и женщине, которая всю жизнь отказывалась принадлежать чужой воле. Вторая уже найдена. Третья молчит. Чтобы остановить врага, Мирине придется принять силу, которой она не просила, власть, которой не искала, и любовь, которую слишком долго боялась назвать. Но самое опасное в этой войне — не древняя магия, а выбор, который человек делает сам.

Содержание

Глава 1 «Золотой триумф»	5
Глава 2 Тень под капюшоном	13
Глава 3 Цена свободы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сага Вольпе

Третья линия

Глава 1 «Золотой триумф»

"С тех пор прошло много лет. История забывается, совершая свой путь в небытие, превращаясь лишь в смутные воспоминания о минувшем, которые вскоре совсем стираются, оставляя лишь беспокойство о потере чего-то важного. Однако память хитрая вещь, она прячется подобно зверю в темных и потаенных углах и расщелинах твоего естества, терзая и заставляя бодрствовать, быть в напряженном ожидании неизвестного до тех пор, пока ты измученный не теряешь бдительность от усталости и безысходности. И вот тогда события пронизывают тебя, подобно ослепительной вспышке света, заставляя искать, и ты узнаешь правду, и правда делает тебя свободным."

Аэтерна праздновала победу так, словно сама смерть на один день признала над столицей венделов чужую власть. Колокола перекликались над белыми крышами, медь труб отвечала им с площадей, а людской гул поднимался между мраморными колоннадами и арками плотной, почти осязаемой волной. Толпа растекалась по проспектам, выплескивалась в переулки, теснила людей к лавкам; пахло горячим хлебом, конским потом, пряностями, вином и камнем, раскаленным высоким полуденным солнцем.

Мирина поймала Инри за локоть прежде, чем та оступилась на краю мостовой.

— Держись ближе.

— Ближе уже неприлично, — отозвалась Инри, поправляя капюшон.

На открытых местах солнце било ей прямо в лицо, и Мирина, не дожидаясь просьбы, увела подругу под аркаду, где вдоль стены лежала узкая полоса прохладной тени. Инри всегда плохо переносила яркий свет, хотя редко жаловалась на него; Мирина давно научилась замечать такие вещи раньше, чем они становились словами.

Сама она двигалась в толпе свободно, подчиняясь ее напору лишь настолько, насколько это было удобно. Когда-то на арене ей объясняли, что сильного противника бессмысленно останавливать в лоб: куда разумнее позволить его силе пройти мимо и заставить инерцию работать против него. С толпой было почти так же, только она пахла корицей, потом и праздничным вином.

Под плащом едва слышно поскрипывала черная кожа доспеха; из-под капюшона выбилась широкая серебристая прядь, и Мирина, машинально убрав ее за ухо, огляделась. Открытые окна, балконы, крыши, темные устья переулков — обычный город, если не считать слишком большого количества счастливых людей и слишком малого количества тех, кто думал о том, что бывает после победы.

Внезапно грянули трубы, и толпа вся разом подалась к главному проспекту. Над головами взлетели платки и венки из полевых цветов, кто-то поднял ребенка на плечи, кто-то полез на основание статуи, совершенно забыв о достоинстве покойного полководца, которому эта статуя была посвящена. Из-за поворота показались штандарты, затем легионеры и всадники, и имя Максена прокатилось по улице еще прежде, чем Мирина увидела самого виновника торжества.

Он ехал впереди на вороном коне — молодой, светловолосый, в сияющем нагруднике, с той непринужденностью в седле, которой не дают ни происхождение, ни хорошие наставники. Так сидят только люди, прошедшие верхом слишком много дней и давно переставшие замечать, что лошадь под ними вообще движется.

— Максен! Наш герой!

Женщина у дороги бросила ему цветы, но букет не долетел и едва не угодил под копыта. Максен перегнулся, подхватил его у самой гривы и поднял над головой с таким видом, будто только что захватил неприятельское знамя; толпа ответила хохотом и новым ревом приветствий.

— Скромность — главное достоинство победителя, — заметила Мирина.

— Ты ему завидуешь?

— Цветам? Безмерно.

Инри улыбнулась, однако Мирина уже смотрела на другого всадника. Тот ехал рядом на сером жеребце и, в отличие от Максена, не интересовался ни цветами, ни восторгом горожан; длинные иссиня-черные волосы касались плеч, глубокий шрам пересекал узкое лицо, а серые глаза скользили не по приветствующим людям, а по открытым окнам, крышам и балконам.

Когда его взгляд остановился на Мирине, она ответила тем же спокойным вниманием. Незнакомец задержался чуть дольше, чем требовала случайность, и в выражении его лица было что-то неприятно знакомое: так смотрят люди, давно разучившиеся считать мир безопасным и потому не позволяющие празднику отменить привычку искать угрозу.

Он отвернулся первым, и почти в ту же секунду голову повернул Максен. Улыбка еще не сошла с его лица, но Мирина ее не заметила, потому что все остальное на мгновение заслонили серо-голубые глаза, а память, как обычно, не стала спрашивать разрешения.

Вместо белой Аэтерны возник другой город: черный дым между домами, красный свет пожара, жар, от которого саднило лицо, и мальчик лет двенадцати, смотревший на нее такими же открытыми серо-голубыми глазами. Он еще верил ей, хотя вокруг уже рушился его мир и, как Мирина теперь знала, им обоим оставалось слишком мало времени.

Она медленно вдохнула, заставляя прошлое отступить. Белый камень снова стал белым камнем, колокола — колоколами, люди рядом смеялись, а Максен уже проезжал дальше, не подозревая, что успел открыть дверь, которую Мирина много лет держала запертой.

Она проводила его взглядом и тут же рассердилась на себя.

Именно в этот момент под плащ скользнула чужая рука.

Мирина перехватила тонкое запястье прежде, чем воришка успел коснуться кошель, и через секунду худой мальчишка уже стоял спиной к стене. Ему было лет десять; грязное лицо, слишком большие для детского лица настороженные глаза и выражение человека, который заранее знает цену любой ошибки, говорили о нем больше, чем одежда.

Он замер, ожидая удара.

— Мири, — тихо сказала Инри.

— Вижу.

Мирина отпустила запястье, но мальчик остался на месте, явно не понимая, что делать с неожиданной свободой. Тогда она достала из сумки яблоко и сунула ему в руку.

— Ешь. А в следующий раз выбирай карманы осторожнее.

Мальчишка посмотрел сначала на яблоко, затем на нее.

— Ты меня не сдашь?

— Если продолжишь стоять здесь, могу передумать.

Этого оказалось достаточно: он нырнул в толпу и исчез, прижимая добычу к груди.

Инри легко коснулась руки Мирины. В этом прикосновении не было ни благодарности, ни одобрения; только старый безмолвный вопрос, который она задавала всякий раз, когда прошлое подходило к Мирине слишком близко: ты здесь?

Мирина чуть повела плечом, как будто могла таким движением стряхнуть и воспоминание, и тревогу подруги.

— Нам стоит уйти с этой улицы.

— Тебя напугал мальчик?

— Он меня обокрал. Не преувеличивай его достижения.

Инри улыбнулась, не настаивая.

— Я осмотрю город, — продолжила Мирина. — Ты хотела на рынок; встретимся через два часа в «Сломанном весле».

— Мы только пришли.

— Тем более.

Инри посмотрела на темный переулок, куда Мирина уже собиралась свернуть.

— Будь осторожна.

— Это моя реплика.

— Я сказала первой.

Мирина усмехнулась и скрылась в толпе.

* * *

В Нижних Рвах победу праздновали тише, словно мраморные холмы верхнего города заслоняли не только солнце, но и чужой восторг. Колокола доносились сюда глухо, широкие улицы закончились вместе с колоннадами, под ногами лежала утоптанная грязь, а между домами вместо праздничных полотнищ висело белье, иногда почти полностью закрывавшее узкую полосу неба.

Здесь пахло угольным дымом, дешевым вином, сыростью и железом, и Мирине это нравилось больше. В местах, где людям приходилось каждый день помнить о цене еды, тепла и собственной кожи, победы обычно воспринимались без лишней поэзии.

Она остановилась возле оружейной лавки, откуда доносился размеренный стук молота. Такие места были полезнее дворцовых приемных: солдаты, наемники и старые ветераны редко знали всю правду, зато слухи доходили до них раньше, чем становились государственными тайнами.

Кузнец возился с помятым наручем, за его спиной висели старые латы с аккуратно заделанными пробоинами, а в углу сидел старик с кубком вина и тем особым выражением лица, которое бывает у людей, считающих чужие разговоры разновидностью бесплатного развлечения.

Мирина положила перед кузнецом кинжал.

— Рукоять разболталась.

Он проверил крепление, дернув несколько раз.

— К вечеру.

Она оставила монету и села на свободную скамью. Старик с откровенным интересом посмотрел на ее дорожную флягу, поэтому Мирина, оценив качество любопытства, плеснула немного вина в его кубок.

— За победу? — спросил он.

— За то, чтобы она не оказалась последней.

Кузнец хмыкнул и отложил молот.

— Пока Максен в городе, за это можно не тревожиться.

— Значит, всем пора расходиться по домам?

Старик пригубил вино и покачал головой.

— На окраинах после его похода люди как раз стараются из домов не выходить.

— Почему?

— Одни говорят, уцелели шайки разбитого племени; другие видели в лесах тени.

Кузнец фыркнул.

— Тени. Ночью. Среди деревьев. Удивительное дело.

— Солдаты тоже смеялись, — спокойно заметил старик. — Потом пошли искать.

— И?

— Вернулись ни с чем.

— Потому что искали тени, — сказал кузнец.

— Зато больше не смеялись.

Мирина провела пальцем по заплате на висевшей рядом кольчуге. О тенях она уже слышала, причем очень давно, возле костра среди сожженных домов, где люди тоже не могли договориться, что именно видели; некоторые из них так и не успели договориться никогда.

— И король собирает новые легионы из-за лесных баек?

Кузнец снова взял молот.

— Если бы это были байки, у меня было бы меньше работы. Половина заказов пришла из казарм: доспехи, наконечники, щиты, и все это не для пограничных застав.

— Куда отправляют?

— Не говорят.

— Значит, либо сами не знают, либо очень хорошо знают.

Кузнец бросил на нее короткий взгляд, но промолчал. Старик тем временем подался ближе, явно решив, что вино заслуживает продолжения разговора.

— Максену сегодня весь город кричит «герой», а тому, кто ехал рядом, кричать не станут.

— Мужчине со шрамом?

— Цицеро. Говорят, он способен найти ответ там, куда другие предпочитают даже не заглядывать.

— Полезное качество.

— Иногда. Ему привезли древние свитки из последнего похода, и с тех пор возле него появились незнакомые люди.

Молот умолк. Пауза продлилась всего миг, но Мирина успела заметить ее.

— Какие свитки?

Старик пожал плечами.

— Если бы я знал, пил бы вино получше. Зато одного из тех людей видел собственными глазами: простоял под окнами Цицеро всю ночь.

Молот ударил по металлу с такой силой, что старик осекся. Мирина посмотрела на кузнеца, но тот с нарочитым усердием разглядывал помятый наруч, явно решив, что никогда в жизни не встречал предмета интереснее.

— За кинжалом зайду вечером, — сказала она и поднялась.

На улице Мирина задержалась под низким навесом. Над тесными крышами Нижних Рвов возвышались белые арки верхнего города, и там по-прежнему звонили колокола, лилось вино и чествовали победителей, тогда как здесь кузнецы уже чинили доспехи для новой войны.

Мысль была неприятной; еще меньше ей нравилось, что в одной истории неожиданно сошлись лесные тени, древние свитки и человек со шрамом, который во время триумфа смотрел не на толпу, а на крыши. И почему-то между ними совершенно некстати возникали серо-голубые глаза Максена. Мирина глубже натянула капюшон. До встречи с Инри оставалось меньше двух часов, а это означало, что времени достаточно, чтобы узнать еще что-нибудь неприятное.

* * *

Если Мирина искала правду там, где становилось темнее, Инри предпочитала искать жизнь на свету.

Рыночная площадь Аэтерны встретила ее шумом, запахами и таким изобилием красок, словно город решил разом выставить напоказ все свое богатство. Под полосатыми навесами теснились ткани, медная посуда, корзины с фруктами, украшения и открытые мешки с пряностями; торговцы перекрикивали друг друга, звенели монеты, спорили покупатели, ржали лошади, а над всем этим плыл густой аромат корицы, жареного мяса и свежего хлеба.

Инри нравились рынки именно потому, что здесь люди на несколько минут забывали, кем им полагалось быть. Знатная женщина могла с совершенно неподобающей страстью препираться с торговкой из-за горсти орехов, легионер — смущенно выбирать ленту для возлюб-

ленной, а оборванный мальчишка — разглядывать серебряную чашу с достоинством человека, решавшего, подходит ли она к его сервизу. В этой суеде было что-то честное, чего Инри не хватало в местах, где каждый слишком хорошо помнил свою роль.

Она шла неторопливо, держась под навесами, потому что солнечные пятна между ними резали глаза. У прилавка с украшениями ее задержал серебряный кулон в виде птицы с распахнутыми крыльями.

— Три серебряных, — немедленно объявил торговец.

— Я еще не спрашивала цену.

— Но собирались.

— Теперь уже нет.

Торговец проводил ее взглядом, в котором мелькнуло невольное уважение.

У травника оказалось интереснее. С перекладки свисали пучки шалфея, мяты и лаванды, на прилавке стояли деревянные коробочки с семенами и высушенными корнями; большинство растений Инри знала, некоторые могла определить по запаху, не глядя, однако в дальней корзине лежали тонкие веточки с серебристо-белыми листьями, которых она раньше не видела.

— Не советую, госпожа, — сказал травник, когда она взяла одну. — Горькая.

— Я не собиралась ее есть.

— Все так говорят.

Инри рассмеялась и растерла лист между пальцами. Запах оказался слабым, прохладным, с терпкой горечью, но под ним пряталось нечто настолько знакомое, что память отозвалась раньше, чем разум успел понять причину.

Она перестала улыбаться. Рынок по-прежнему шумел, однако звук вдруг словно отодвинулся, а по коже прошла легкая дрожь, напоминавшая прикосновение магии. Только исходила она не от растения. Инри подняла голову. На другом конце площади, среди нескольких офицеров, стоял мужчина в черном — тот самый всадник, который ехал рядом с Максеном во время триумфа. Иссиня-черные волосы касались плеч, через щеку проходил шрам; один из офицеров что-то говорил ему, остальные слушали, но сам мужчина смотрел через площадь прямо на нее.

Инри следовало бы отвернуться, однако она этого не сделала. Люди проходили между ними, на мгновение разрывая линию взгляда, но всякий раз она возникала снова, и хотя с такого расстояния невозможно было различить выражение серых глаз, Инри казалось, что незнакомец не просто смотрит, а изучает ее. Обычно подобное раздражало. Сейчас тревога была иной.

В мужчине ощущалось нечто, чему она не могла подобрать название. Не магия — ее прикосновение Инри узнала бы сразу, — скорее сила другого рода: холодная, собранная, удерживаемая внутри так долго, что самоконтроль сделался частью человека. И за всем этим неожиданно чувствовалось одиночество, хотя Инри тут же рассердилась на себя за нелепую уверенность: откуда ей знать, если она видела этого человека второй раз в жизни? Он был опасен, в этом она почти не сомневалась, однако опасных людей Инри встречала прежде, и ни один из них не заставлял сердце так странно сжиматься — не от страха или, по крайней мере, не только от него.

Мужчина слегка повернул голову, солнечный свет скользнул по шраму на его щеке, и Инри внезапно поняла, что продолжает смотреть. Это было совсем на нее не похоже. и она опустила глаза к серебристой веточке.

— Откуда это растение?

— С севера, — ответил травник.

— Откуда именно?

— С обозом привезли. А там, госпожа, везде север, если ехать достаточно долго.

В другое время Инри улыбнулась бы, но сейчас лишь положила монету и забрала сверток. Отходя от лавки, она заставила себя не торопиться, вспоминая слова Мирины о том, что поспешность сообщает преследователю больше, чем следы; прошла мимо торговца тканями, задержалась возле фруктовой лавки и только, свернув между двумя навесами, ускорила шаг.

Она не оглянулась намеренно, потому что не хотела знать, смотрит ли незнакомец ей вслед, и еще меньше хотела разбираться, почему какая-то нелепая часть ее надеялась, что да.

«Опасность», — сказала себе Инри. Объяснение было разумным и потому особенно удобным, жаль, что оно совершенно не убеждало.

* * *

Цицero заметил светловолосую незнакомку раньше, чем понял, что именно привлекло его внимание. До этого он слушал начальника городской стражи или, если быть честным, предпринимал такую попытку.

— ...поэтому мы удвоили патрули у восточных ворот, — закончил тот.

— Почему?

Офицер моргнул.

— Я только что объяснил.

— Вы семь минут объясняли, что удвоили патрули. Я спросил зачем.

Стоявший рядом Максен кашлянул в кулак, скрывая смех; Цицero не удостоил его взглядом, и начальник стражи начал заново, на этот раз значительно короче, что лишь подтверждало старую истину: даже самые безнадежные люди способны учиться, если правильно поставить вопрос.

Цицero слушал вполуха, потому что площадь представляла куда больший интерес. Трое карманников работали возле торговца тканями, причем двоих стража явно знала в лицо и столь же явно предпочитала не замечать; торговец зерном пользовался облегченными гирями, возле винной лавки спорили два ветерана, а женщина в зеленом уже третий раз проходила мимо одного и того же прилавка, ничего не покупая. Все это составляло обычную жизнь столицы, пока в ней почти незаметно не изменилось что-то. Взгляд Цицero прошел по площади и остановился у лавки травника. Светловолосая женщина держала серебристую веточку; на первый взгляд ничего примечательного, но затем она подняла голову и посмотрела прямо на него. Цицero перестал слышать доклад. Глаза у нее были необыкновенно светлыми, голубыми почти до прозрачности, однако цвет женских глаз давно не относился к загадкам, способным отвлечь его от дела. Отвлекло другое: она его почувствовала.

Незнакомка не скользнула по нему случайным взглядом и не задержалась на шраме или черной одежде. Она нашла его среди десятков людей сразу, будто между ними уже существовала незримая нить, и в ту же секунду воздух возле нее едва заметно дрогнул. Магия — очень слабая или очень хорошо скрытая. В памяти всплыла строка, над которой он бился третью ночь: «Когда свет узнает смотрящего из тени, спящая кровь вспомнит свое имя». Цицero никогда не любил пророчества. В большинстве случаев они представляли собой удачное сочетание туманных формулировок и человеческой способности находить смысл там, где его прежде не было. Найденный свиток, по его убеждению, пророчеством не являлся, хотя строка стояла между описанием давно исчезнувшего народа и фрагментом, который пока не удавалось перевести. Хуже того, древнее слово, принятое им за «свет», могло означать сияние, чистоту или человека, несущего свет, а «спящая кровь» в разных текстах обозначалась как род, наследие, клятва и еще нечто, чему в современном языке вообще не находилось точного соответствия. Три ночи Цицero считал эту фразу красивой бессмыслицей. Теперь красивая бессмыслица смотрела на него с другого края площади.

Незнакомка первой отвела глаза, что-то спросила у травника, расплатилась и ушла чуть быстрее, чем следовало бы человеку, которому безразличен чужой взгляд. Цицero проводил ее глазами и с раздражением понял: она тоже что-то почувствовала.

— Ты меня слышишь? — спросил Максен.

— К сожалению.

Максен проследил за его взглядом и увидел светловолосую фигуру, как раз исчезавшую между навесами.

— А-а.

Цицero медленно повернулся.

— Что означает это отвратительное «а-а»?

— Пока ничего.

— Пусть так и останется.

Цицero посмотрел на него с холодным терпением.

— Иногда мне кажется, что война была придумана исключительно затем, чтобы тебе было куда девать свободное время.

— А мне кажется, ты впервые за много лет не услышал половину разговора из-за женщины.

— Тебе показалось.

— Мне нравится эта версия; она делает происходящее еще интереснее.

Начальник стражи все еще ждал, поэтому Цицero повернулся к нему.

— Продолжайте.

— На чем я остановился?

— Если бы вы говорили что-нибудь существенное, я бы запомнил.

Максен тихо рассмеялся, офицер начал снова, однако Цицero выдержал лишь несколько предложений: между навесами мелькнули светлые волосы, и решение было принято раньше, чем он успел его обосновать.

— Цицero, — окликнул Максен. — Ты уходишь.

— Наблюдательно.

— А доклад?

Цицero посмотрел на начальника стражи.

— Сократите до той части, в которой действительно что-нибудь произошло.

Толпа встретила его с полным безразличием к государственным должностям: дорогу перегородил носильщик с огромным тюком ткани, две женщины остановились посреди прохода, чтобы выяснить, какая из них первой увидела шафран, мальчишка с корзиной яблок едва не врезался ему в колени. Когда Цицero добрался до соседнего ряда, светловолосой женщины уже не было, и рынок продолжал жить так, словно ничего не произошло.

Он вернулся к лавке травника.

— Девушка, которая только что была здесь.

Торговец посмотрел сначала на его одежду, потом на шрам и, видимо, решил не изображать деловую независимость.

— Купила траву.

— Я заметил.

— Тогда зачем спрашиваете?

Цицero чуть приподнял бровь. Травник вздохнул.

— Не знаю, господин. Первый раз ее вижу.

— Что купила?

Мужчина показал на корзину с серебристыми веточками. Цицero взял одну, перевернул и замер: по светлой поверхности проходила тонкая темная прожилка, естественный рисунок, ничего больше, только этот рисунок он уже видел — на полях свитка, рядом с той самой строкой. Максен подошел и заглянул ему через плечо.

— Надеюсь, ты не собираешься объявить войну растению.

Цицero не ответил. Совпадений стало два, а в совпадения он переставал верить, когда они начинали собираться вместе.

— Что? — уже серьезнее спросил Максен.

— Возможно, ничего.

— Судя по твоему лицу, это «ничего» нам дорого обойдется.

— У меня всегда такое лицо.

— Именно поэтому я и беспокоюсь.

Цицero убрал веточку в сумку. Он не знал ни имени женщины, ни того, откуда она пришла, не понимал, какая сила заставила воздух дрогнуть вокруг нее и почему древний знак повторился на растении, которого она коснулась; зато теперь знал другое, и это знание раздражало сильнее всех предыдущих вопросов. Он хотел увидеть ее снова. Цицero предпочитал загадки, которые можно было разложить на столе, прижать по углам грузиками и изучать при хорошем освещении. У загадок с голубыми глазами имелся существенный недостаток: они могли посмотреть в ответ.

* * *

Инри была уже далеко от рынка, когда наконец позволила себе остановиться в тихом переулке. Здесь праздничный шум звучал приглушенно; из открытого окна наверху доносилась песня, на соседней крыше голубь лениво перебирал перья, а нагретая солнцем стена под ладонью постепенно остывала. Инри закрыла глаза, сердясь на собственную глупость. Она слишком долго жила рядом с Мириной и прекрасно знала, как выглядит опасность: опасность доставала оружие, лгала, улыбалась не вовремя или слишком внимательно интересовалась твоим именем. Этот человек не сделал ничего, кроме одного взгляда. Почему-то этого оказалось достаточно. Инри развернула сверток травника. Серебристые листья лежали на ткани совершенно безобидно, но стоило коснуться одного пальцем, как по коже снова прошла едва заметная дрожь. На этот раз она была готова и сразу поняла то, чего не смогла определить на площади: магия пришла не извне, а отозвалась внутри нее, и Инри резко убрала руку.

— Вот это Мирине точно не понравится, — пробормотала она, и мысль о подруге немного успокоила.

Потом перед внутренним взглядом вновь возникло суровое лицо со шрамом и серые глаза, смотревшие через шумную площадь так, словно в тот миг вокруг не существовало никого другого. Пусть это будет опасность, решила Инри, с опасностью она хотя бы знала, что делать. А вот с тем, что заставляло надеяться на новую встречу, — пока нет.

Глава 2 Тень под капюшоном

К назначенному часу «Сломанное весло» праздновало победу с таким усердием, будто война велась исключительно ради сегодняшнего вечера. В низком зале было жарко и тесно; пахло элем, жареным мясом, мокрой шерстью и дымом от очага, который хозяин не догадался погасить, хотя от человеческого тепла здесь и без того можно было сварить яйцо. Большую часть столов заняли солдаты Максена: они пили за победу, за павших, снова за победу и постепенно переходили к тостам, смысл которых становился понятен лишь тому, кто их произносил. Мирина нашла Инри в дальнем углу. Та сидела над почти нетронутым рагу и смотрела в тарелку с выражением человека, обнаружившего на дне неприятную истину. Мирина опустилась напротив, не снимая глубокого капюшона.

— Плохо?

Инри не ответила, поэтому Мирина перевела взгляд на рагу.

— Настолько?

— Что?

— Я пытаюсь понять, кто виноват: повар или жизнь.

Инри медленно подняла глаза, и этого оказалось достаточно.

— Мужчина, — заключила Мирина.

— Мири.

— Значит, мужчина.

— Я ничего не сказала.

— Именно.

Инри прикрыла глаза, а Мирина, довольная точностью наблюдения, отломил кусок хлеба.

— Красивый?

— Это совершенно не имеет значения.

— Очень красивый.

— Ты невыносима.

— Мне говорили.

Инри все-таки отодвинула тарелку, признавая поражение.

— Он просто... странный.

Мирина перестала жевать и посмотрела внимательнее.

— Насколько странный?

— Не в том смысле.

— Жаль. Это был единственный смысл, который меня устраивал.

— Я увидела его на рынке, и он увидел меня.

— Обычно зрение именно так и работает.

Инри бросила на нее взгляд, но Мирина лишь невинно приподняла бровь.

— Я почувствовала что-то, — продолжила Инри уже серьезнее. — Не магию, во всяком случае не совсем. Скорее отклик, будто я узнала нечто, чего никогда прежде не видела.

— Страшно?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Хуже, — заметила Мирина.

— Не начинай.

— Я еще даже не начала.

Инри уронила лоб на ладонь.

— У него был шрам и длинные черные волосы.

Хлеб в руке Мирины остановился на полпути ко рту.

— Мужчина на сером коне?

Инри выпрямилась.

— Ты его знаешь?

— Видела сегодня рядом с Максеном.

— Цицero.

Теперь уже Мирина посмотрела на подругу с неподдельным интересом.

— Ты даже имя успела узнать?

Инри снова придвинула тарелку, очевидно решив, что сомнительное рагу безопаснее этого разговора.

— Великолeпно, — сказала Мирина. — Не прошло и дня в столице.

— Мири.

— Молчу.

— Ты никогда не молчишь.

— Неправда. Иногда я сплю.

Инри рассмеялась, и именно этот смех привлек внимание легионера за соседним столом. Он подошел с кружкой в руке, пошатываясь ровно настолько, чтобы самому считать себя совершенно трезвым, и сначала уставился на Инри, а потом перевел взгляд на сидевшую напротив фигуру в глубоком черном капюшоне. Мирина привычно понизила голос. Плащ скрывал очертания тела, волосы были убраны, лицо терялось в тени, и для случайного наблюдателя напротив Инри сидел худощавый молодой мужчина — наемник или путешественник, не желавший показывать лица. За годы странствий Мирина убедилась, что окружающих легче всего обмануть, если позволить им увидеть именно то, что они ожидают.

— Красавица, — сообщил солдат Инри, опираясь ладонью о стол. — Чего прячешься? Сегодня победителям не отказывают.

— Боюсь, вам придется пережить первое поражение за день, — спокойно ответила Инри.

Он засмеялся, приняв отказ за кокетство.

— За такое надо выпить.

— Она отказалась, — низко произнесла Мирина.

Солдат впервые посмотрел на нее внимательно.

— А тебя кто спрашивал?

— Никто. Поэтому совет бесплатный.

За соседним столом хмыкнули. Легионер нахмурился: он был пьян, значительно крупнее сидевшего перед ним незнакомца и находился среди товарищей, а подобное сочетание часто рождает уверенность, которая плохо переживает встречу с последствиями.

— Ты, я смотрю, смелый.

— А ты наблюдательный. У каждого свои таланты.

Инри едва слышно вздохнула.

— Мири...

— Я стараюсь.

Солдат поставил кружку на стол и наклонился ближе.

— Сними капюшон, когда со мной разговариваешь. Хочу видеть морду того, кому собираюсь ее разбить.

— Боюсь, это не поможет.

Он шагнул еще ближе и положил ладонь Мирине на плечо. Она спокойно сняла ее, но насмешка из голоса исчезла.

— Хватит.

Трезвому человеку предупреждения было бы достаточно, однако легионер давно миновал ту степень опьянения, когда инстинкт самосохранения способен спорить с уязвленным самолюбием.

— А то что?

Мирина поднялась. Разница в росте и сложении оказалась настолько очевидной, что солдат улынулся, окончательно уверившись в собственной правоте.

— Я бы на твоём месте этого не делал.

Голос раздался у него за спиной. По залу прошла едва заметная перемена: разговоры стали тише, несколько человек повернули головы, а сам легионер замер и обернулся. Максен стоял в нескольких шагах. Утром на нём сиял парадный нагрудник и развевался алый плащ; теперь он был одет проще, но лицо оставалось открытым, и в «Сломанном весле» не нашлось бы человека, который не узнал бы полководца, за чью победу здесь пили весь вечер.

— Командир...

Максен окинул взглядом солдата, Инри и скрытого капюшоном незнакомца.

— Кажется, дама уже ответила.

— Мы просто разговаривали.

— Тогда у тебя своеобразная манера поддерживать беседу. Возвращайся за свой стол, пока праздник не закончился для тебя раньше времени.

Солдат поколебался, но спорить не решился. Проходя мимо Мирины, бросил на неё мутный злой взгляд, который она проводила с невозмутимым интересом.

— Какая трогательная забота, — пробормотала она достаточно громко, чтобы услышали. Максен, уже собиравшийся отойти, остановился.

— Простите?

— Ничего.

— Мне показалось, вы что-то сказали.

— Вам показалось.

Инри медленно закрыла глаза, заранее прощаясь с мирным вечером.

Максен вновь повернулся к фигуре в капюшоне.

— Вы недовольны тем, что я остановил своего солдата?

— Я недоволен тем, что вы решили, будто меня требуется спасти.

— Он собирался вас ударить.

— Это была его проблема.

Максен приподнял бровь.

— Уверены?

Мирина повернула к нему скрытое капюшоном лицо.

— Хотите проверить?

На мгновение он замолчал, затем улынулся — не той широкой улыбкой, которой утром отвечал толпе, а короткой и неожиданно искренней.

— А вы всегда так благодарите за помощь?

— Только когда о ней не просил.

— Мири, — предупредила Инри.

— Что? Я ничего не делаю. Пока.

Максен рассмеялся.

— Ваша подруга хорошо вас знает.

— Лучше, чем полезно для её душевного спокойствия. Впрочем, можете продолжать считать, что спасли меня; некоторым мужчинам это необходимо.

В ближайшей части зала стало заметно тише. Максен несколько секунд изучал незнакомца, после чего расстегнул фибулу, снял плащ и передал его ближайшему солдату.

— Хорошо. Проверим.

— Вы серьезно? — спросила Инри.

— Теперь уже да.

Без доспехов и командирских знаков Максен выглядел моложе, но вместе с тем стало очевиднее сложение человека, много лет державшего оружие и проводившего дни в седле. Светлая льняная туника с закатанными до предплечий рукавами не скрывала ни старых рубцов, ни привычной силы в движениях. Мирина оглядела его из-под капюшона.

— Передумать еще не поздно.

— Я собирался сказать то же самое.

— Значит, одному из нас не хватает воображения.

Инри молча переставила тарелку с рагу подальше и Максен это заметил.

— Разумно.

— Вы еще не знаете насколько.

Таверна оживилась мгновенно. Столы отодвинули, вокруг освободившегося пространства сомкнулся неровный круг, кто-то уже принимал ставки, а хозяин «Сломанного весла» высунулся из-за стойки, оценил Максена с мечом в руке и благоразумно решил, что мебель переживала и худшие времена.

— До первой крови? — предложил Максен.

Мирина поднялась.

— Слишком быстро.

По залу прокатился смех.

— До сдачи?

— Если дождетесь.

Она отбросила край плаща и обнажила клинок, не снимая капюшона. Максен оказался выше почти на голову и заметно сильнее, однако Мирину интересовало другое: старые мозоли на ладонях, свободные плечи, спокойная стойка и отсутствие желания произвести впечатление. Он держал оружие не как человек, которого научили красиво выглядеть с мечом; первое впечатление пришлось пересмотреть.

— Готовы?

— Уже скучаю.

Первый удар был пробным, и Мирина поняла это по движению плеча, поэтому отвела клинок, не показывая ничего больше необходимого. Второй пришел быстрее, третий уже не был проверкой; сталь звякнула о сталь, Мирина сместилась, пропустила меч мимо плеча и ответила коротким выпадом, который Максен успел отбить в последний момент. Улыбка исчезла с его лица. Теперь он смотрел не на дерзкого незнакомца, которого решил проучить, а на противника. Максен изменил стойку.

— Наконец-то, — заметила Мирина.

— Что?

— Начали думать.

Он усмехнулся и снова пошел вперед. Дальше разговоры действительно стали мешать. Максен дрался чисто, без эффектных движений для зрителей; в его манере чувствовалась не школа, а война — короткие атаки, экономия сил, привычка заканчивать схватку как можно быстрее. Он не пытался задавить противника преимуществом в весе и довольно скоро понял, что загонять Мирину к стене бесполезно. Она тоже перестала воспринимать его как полководца, которому победы позволили слишком много о себе думать. Максен умел учиться прямо во время боя: однажды увидев прием, больше на него не попадался, менял ритм, ловил закономерности и заставлял ее придумывать новые. Такое случалось редко, и Мирина с некоторым раздражением обнаружила, что получает от поединка удовольствие. Шум вокруг постепенно стих. Солдаты все еще реагировали на особенно близкие удары, но советовать перестали: люди, умеющие обращаться с оружием, уже поняли, что смотрят не на тавернскую потасовку. Максен

попытался поймать Мирину на ложном открытии и почти преуспел; его клинок прошел так близко от головы, что край капюшона дрогнул от движения воздуха.

— Кто вас учил? — спросил он, разрывая дистанцию.

— Сейчас?

Он рассмеялся.

— Справедливо.

Мирина атаковала первой и на несколько шагов потеснила его к столам, однако Максен успел перестроиться и ответил настолько быстро, что уже ей пришлось защищаться. Азарт, который она почти забыла, возвращался постепенно. Это был не бой за жизнь и не холодная необходимость убить раньше, чем убьют тебя, а редкая встреча с противником, способным заставить искать новый ответ на каждое движение. Максен, кажется, чувствовал то же самое. Улыбка вернулась, но теперь предназначалась не зрителям.

— Вам весело, — заметил он, когда их клинки на миг сцепились.

— Не портите момент.

Он оказался быстрее, чем Мирина предполагала вначале, и заставил ее принять два удара подряд, а третьего избежать разворотом; она попыталась достать его рукоятью, но он отвел корпус и одновременно поймал ее клинок своим. На мгновение они оказались совсем близко.

— Все еще считаете, что помощь была лишней?

— Теперь еще больше.

Мирина высвободила оружие. Последний обмен ударами начался почти без паузы. Она заметила открытие у его левого плеча и по движению глаз поняла, что в ту же секунду Максен увидел ее собственную ошибку; ни один не захотел отказаться от возможности. Они шагнули внутрь защиты друг друга одновременно. Острие меча Мирины остановилось у горла Максена, его клинок в тот же миг замер у ее шеи. Еще одно движение любого из них означало бы кровь для обоих. Несколько секунд они стояли неподвижно, тяжело дыша после схватки, затем Максен перевел взгляд с ее меча на тень под капюшоном.

— Полагаю, это ничья.

— Ненавижу ничьи.

— Я тоже.

— Уже что-то общее.

В его глазах мелькнул смех.

— Опасное начало.

Со стороны двери раздались редкие хлопки. Кто-то аплодировал медленно, с ленивыми паузами, и именно поэтому звук выделился среди общего молчания. Инри повернулась. У двери стоял Цицero, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди; по спокойствию, с которым он наблюдал происходящее, было понятно, что появился он давно и успел увидеть значительную часть поединка, не найдя причин обозначить свое присутствие раньше. На рынке между ними оставались толпа, шум, яркие навесы и возможность уйти, убедив себя, что странное ощущение исчезнет вместе с расстоянием. Здесь расстояние составляло всего несколько десятков шагов. Цицero закончил неторопливые аплодисменты, оттолкнулся от косяка и выпрямился; его взгляд скользнул по залу и встретился со взглядом Инри. У нее перехватило дыхание, и это мгновенное предательство собственного тела рассердило сильнее, чем испугало. Цицero тоже едва заметно остановился: он узнал женщину с рынка и, судя по короткой перемене в лице, не ожидал увидеть ее здесь. Инри заставила себя спокойно вдохнуть, первой отвела глаза и медленно подошла к Мирине, а затем положила ладонь на ее запястье.

— Все, Мири.

Мирина еще мгновение смотрела на Максена из-под капюшона, затем позволила Инри опустить руку; почти одновременно Максен отвел меч.

— Мири, — повторил он с явным интересом.

Мирина бросила на подругу выразительный взгляд.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

— Это на благодарность.

— Я знаю.

Цицero остановился рядом с Максеном.

— В следующий раз, когда решишь устроить поединок посреди таверны, предупреди заранее.

— Давно стоишь?

— Достаточно.

— И не вмешался?

Цицero посмотрел на клинки.

— Не видел причин портить хороший бой.

— Настоящий друг.

— Именно поэтому ты еще жив.

Мирина повернулась к Цицero и узнала всадника на сером жеребце, который утром во время триумфа следил не за толпой, а за окнами, крышами и балконами. Судя по короткой задержке его взгляда, он тоже вспомнил фигуру в капюшоне, наблюдавшую за процессией с не меньшей настороженностью.

— А это, полагаю, тот самый человек, который сегодня ехал рядом с вами и выглядел так, словно заранее разочарован праздником?

— Цицero, — представил его Максен.

— Соболезную.

— Взаимно.

Мирина едва заметно наклонила голову; Инри слишком хорошо ее знала и сразу поняла, что Цицero заслужил одобрение, а это само по себе ничего хорошего не предвещало.

— Значит, Мири, — вернулся Максен к интересовавшему его вопросу.

— Забудьте.

— Уже поздно.

Мирина убрала меч в ножны и только после этого подняла руки к капюшону. Черные волосы рассыпались по плечам, широкая серебристая прядь блеснула в свете ламп; открылось узкое лицо со шрамом через бровь и глазами разных цветов — светло-карим и голубым. В таверне стало тихо. Максен несколько мгновений смотрел на нее с таким неподдельным изумлением, что Мирина почти пожалела, что не оставила капюшон на месте.

— Вы...

Она приподняла бровь.

— Осторожнее. Сейчас будет сложная мысль.

— Женщина.

— Справились.

По залу прокатились смешки, но Максен не обратил на них внимания.

— Я дрался с женщиной.

— Нет, — поправила Мирина уже своим настоящим голосом. — Вы дрались со мной.

Удивление в его лице осталось, однако ни неловкости, ни задетого самолюбия она не увидела.

— Справедливо.

Именно этот ответ оказался неожиданнее самой реплики. Мирина привыкла к мужчинам, которым требовалось немедленно объяснить себе собственную ошибку, но Максен просто принял новую реальность и посмотрел на нее внимательнее. Вдруг, его лицо изменилось.

— Подождите. Сегодня утром... в толпе возле площади.

— Какая удивительная память.

— Там было много людей, — сказал он, — но только один человек смотрел на крыши вместо триумфаторов.

Мирина едва заметно напряглась. Значит, он тоже наблюдал.

— А вы, оказывается, не только цветы ловите.

— Иногда приходится работать.

Его серо-голубые глаза оказались слишком близко, и память без спроса вернула огонь, дым и мальчика среди горящего города; Мирина оборвала воспоминание прежде, чем оно успело обрести лицо. Тем временем Цицеро смотрел на Инри. Она почувствовала это еще до того, как подняла глаза; теперь между ними не было ни рыночной толпы, ни навесов, ни прохожих, за которыми можно исчезнуть.

— Мы встречались, — сказал он.

— Не думаю.

— Думаете.

Инри чуть нахмурилась.

— Вы всегда спорите с людьми об их воспоминаниях?

— Только когда они мне лгут.

— Тогда у вас, должно быть, очень насыщенная жизнь.

В его глазах мелькнуло нечто, слишком слабое для улыбки, но Мирина заметила даже это и перевела взгляд с Инри на Цицеро, а потом обратно.

— Так вот он какой.

— Мири.

— Что?

— Ни слова.

— Я вообще ничего не сказала.

Максен с любопытством оглядел их.

— Я явно что-то пропустил.

— Постарайтесь сохранить это счастливое состояние, — посоветовала Инри.

На этот раз Цицеро почти улыбнулся. Через несколько минут столы вернули на место, хозяин выставил перед ними бутылку вина, и вечер неожиданно продолжился вчетвером. Максен разговаривал легко, будто был знаком с обеими женщинами не несколько минут, а гораздо дольше; Мирина отвечала ровно настолько, чтобы не дать ему решить, что его общество ей приятно. Цицеро говорил меньше и слушал внимательнее, а Инри старалась не замечать, что именно его редкие вопросы заставляют ее обдумывать ответы дольше остальных. Когда вино закончилось, за окнами уже стихала большая часть праздника. С площади еще доносились песни, однако припевы растягивались, голоса путались, а хозяин начал гасить дальние лампы. Максен посмотрел на окно.

— Если я сегодня все-таки доберусь до дворца, это можно будет считать второй победой.

— Не преувеличивай, — сказал Цицеро. — До дворца три улицы.

— После сегодняшнего вечера я уже ничему не доверяю. Даже улицам.

Мирина поднялась и накинула плащ.

— Тогда нам лучше уйти первыми. Не хотелось бы оказаться виноватыми еще и в исчезновении полководца.

Максен тоже встал.

— После ничьей вы уже пытаетесь от меня избавиться?

— После ничьей я особенно дорожу достигнутым.

Он несколько секунд смотрел на нее, словно решая, насколько далеко может позволить себе зайти.

— Мы еще увидимся?

Мирина застегнула плащ.

— Аэтерна большая.

— Это не ответ.

— Именно поэтому он мне нравится.

Максен усмехнулся и не стал настаивать, что Мирина оценила выше, чем собиралась.

Инри тем временем обнаружила рядом Цицero.

— Куда вы направляетесь? — спросил он.

— Это допрос?

— Пока нет.

— Тогда к чему вопрос?

— Уже поздно. Я мог бы проводить вас.

Предложение прозвучало почти буднично, без той настойчивости, которая позволила бы легко отшутиться.

— Не стоит. Мы доберемся сами.

Цицero кивнул сразу, и Инри испытала одновременно облегчение и совершенно неуместное разочарование.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, Инри.

Она уже сделала шаг, но остановилась.

— Я не называла вам своего имени.

— Максен назвал вас несколько минут назад.

Пауза получилась совсем короткой.

— Разумеется.

— Вы разочарованы?

— Ну что вы. Было бы неприятно узнать, что ваши способности еще более раздражающие, чем кажутся.

В его глазах мелькнула улыбка.

— Спокойной ночи.

Инри отвернулась прежде, чем он успел заметить ответную. По крайней мере, ей хотелось так думать.

* * *

После душевной таверны улица встретила их прохладой. Над площадями еще горели факелы, между домами бродили запоздалые гуляки, но чем дальше Мирина и Инри уходили от «Сломанного весла», тем тише становилась Аэтерна; праздничная ночь постепенно возвращала себе обычные звуки — стук ставень, лай собак, редкий цокот копыт.

— Ты могла хотя бы предупредить, что собираешься драться с полководцем венделов, — сказала Инри.

— Вообще-то это он вызвал меня.

— После того как ты сделала все возможное, чтобы у него не осталось другого выбора.

— Возможно.

Инри выдержала небольшую паузу.

— И как он тебе?

Мирина повернула голову.

— Кто?

— Рагу.

— Инри.

— Я просто учусь у лучших.

— Плохо учишься.

— Почему?

— Слишком довольна собой.

Инри рассмеялась. Мирина тоже улыбнулась, но через несколько шагов выражение ее лица изменилось.

— Не оборачивайся.

Инри продолжила идти, не меняя темпа.

— За нами идут?

— Третий поворот.

— Один?

— Одного вижу.

Инри поправила плащ, будто они все еще обсуждали ужин. Через несколько шагов широкая дорога ушла вверх к освещенному центру, а более узкая спускалась к Нижним Рвам; Мирина выбрала вторую.

— Мы живем в другой стороне.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Если он идет за нами, хочу понять зачем.

— И поэтому ты ведешь нас туда, где почти нет людей?

— Я веду туда его.

— Иногда разница между этими двумя вещами существует только в твоей голове.

В Нижних Рвах праздничный шум быстро остался позади. Дома теснились ближе, фонари встречались все реже, каменные фасады сменились складами, мастерскими и дешевыми ночлежками; в сыром воздухе пахло золой, рекой и теми самыми горелыми травами, запах которых Мирина пока не успела заметить сознательно. Теперь шаги преследователя слышала и Инри. Мирина свернула в узкий переулок и остановилась за углом.

— Иди дальше.

— Нет.

— Инри.

— Даже не начинай.

Мирина посмотрела на нее.

— Ты решила использовать мои слова против меня?

— Давно пора.

Спорить было бессмысленно. Мирина отступила в тень, положив ладонь на рукоять меча, а Инри встала чуть дальше, возле стены, и перехватила посох. Преследователь появился из-за угла через несколько мгновений. На нем был серый плащ, лицо скрывал низко надвинутый капюшон; увидев их, он остановился, а затем развернулся и побежал.

— Конечно, — пробормотала Мирина и бросилась следом.

Инри выругалась и последовала за ней. Незнакомец оказался быстр и слишком хорошо знал Нижние Рвы. Он не раздумывал на перекрестках, нырял под арки, перескакивал через низкие ограды и всякий раз держался ровно на таком расстоянии, чтобы не позволить себя догнать, но и не исчезнуть окончательно. Это насторожило Мირину не сразу, и именно это ей потом не понравилось больше всего. Человек свернул за очередной угол. Мирина последовала за ним и оказалась в тупике: с трех сторон поднимались глухие стены, справа темнела запертая дверь склада, а ни лестницы, ни прохода, через который преследователь мог бы уйти незамеченным, не было. Инри остановилась рядом.

— Куда он делся?

— Хороший вопрос.

Она подошла к дальней стене и провела по ней ладонью.

— Здесь что-то есть.

— Магия?

— След. Очень слабый, словно что-то было здесь и исчезло.

— Человек?

Инри нахмурилась.

— Не только.

Мирина медленно оглядела тупик еще раз, и разрозненные детали сложились в слишком простую картину. Незнакомец позволил заметить себя, не пытался оторваться и привел их именно сюда. Она перестала искать путь его бегства и начала искать тех, кто должен был встретить их.

— Инри, уходим.

Подруга услышала перемену в ее голосе и не стала задавать вопросов. Они повернули обратно, но Мирина успела сделать лишь несколько шагов, когда почувствовала знакомый запах горелых трав. Он был слабым, почти растворившимся в сыром воздухе, однако память узнала его прежде, чем разум подобрал объяснение: когда-то такой же запах стоял возле сожженной деревни, где старики шепотом рассказывали о тенях, приходивших из леса.

На стене у выхода, почти скрытый копотью, был вырезан знак: три пересекающиеся линии внутри круга. Мирина коснулась насечки.

— Ты его знаешь? — спросила Инри.

— Видела раньше.

— Где?

— Давно. И в месте, куда мне не хотелось бы возвращаться.

За спиной едва слышно скрипнула кожа. Мирина обернулась и увидела пустой переулок, но теперь все стало ясно.

— Нас сюда привели.

Инри крепче сжала посох.

— Я уже догадалась.

— Не за ним. К ним.

Мирина медленно обнажила меч. На крыше склада человеческий силуэт отделился от темноты; почти одновременно еще двое появились у выхода из тупика. Они не выкрикивали угроз и не торопились приближаться, лица скрывали темные повязки, а спокойствие людей, заранее уверенных в исходе, беспокоило Мирину сильнее обнаженного оружия. Она чуть сместилась, закрывая Инри собой.

— Кто вы? — спросила та.

Ответа не последовало. Один из людей сделал шаг вперед.

— Еще один — и проверим, насколько вы уверены в себе, — сказала Мирина.

Незнакомец остановился, но смотрел не на нее; его внимание было приковано к Инри.

Мирина поняла слишком поздно.

— Не дыши!

Небольшой глиняный шар разбился о камни, и переулок мгновенно наполнился сероватым дымом. Мирина закрыла лицо рукавом и рванулась к Инри, однако та уже закашлялась и пошатнулась.

— Бежим.

Она схватила подругу за руку и потянула к выходу. Они успели сделать несколько шагов, когда ноги Инри подкосились; Мирина подхватила ее и почти сразу поняла, что дым действует слишком быстро, а значит, рассчитывали не только на него. За спиной послышались шаги. Мирина развернулась, вскидывая меч, но удар пришел сбоку. Тяжелая рукоять вскользь задела висок; перед глазами вспыхнуло, колени ударились о камни. Она не потеряла сознание и, не вставая, рубанула на звук, заставив кого-то вскрикнуть и отступить. Мирина поднялась. Мир качнулся, однако впереди она различала двоих, а третий уже обходил сбоку. За ними Инри, опираясь на стену, пыталась поднять посох. Один из нападавших направился прямо к ней.

— Не трогай ее.

Мирина шагнула следом, но тело слушалось все хуже. На рукаве ближайшего мужчины мелькнула вышивка — три линии внутри круга; она успела запомнить ее прежде, чем второй удар обрушился сзади. На этот раз ноги не удержали. Меч выскользнул из пальцев и со звоном лег на камни. Сквозь гул в голове Мирина увидела, как Инри все-таки подняла посох; свет вспыхнул на его конце и отбросил ближайшего нападавшего к стене. Второй человек приблизился к ней сзади. Мирина попыталась предупредить, но голос не слушался.

— Инри...

Подруга повернулась на звук, и этого мгновения хватило. Удар был коротким и точным; свет на посохе погас, Инри осела на камни. Мирина попыталась подняться еще раз, но руки больше не держали. Кто-то подошел, ногой отодвинул меч и перевернул ее на спину; над узким переулком виднелась полоска ночного неба, слишком чистая и спокойная для того, что происходило внизу.

— Обе, — произнес мужской голос. — Берем обеих.

Последнее, что Мирина увидела, прежде чем сознание окончательно погасло, была лежащая в нескольких шагах Инри.

Глава 3 Цена свободы

Сознание возвращалось неторопливо, словно тело, прежде чем пустить в себя память, хотело удостовериться в её необходимости. Первым, что ощутила Мирина, было железо. Холодное кольцо плотно охватывало запястье, а короткая цепь отзывалась негромким звоном на каждое движение; только потом пришли тупая боль в затылке, сырость камня под щекой и металлический привкус крови во рту. Нижние Рвы, узкий тупик, серый дым и удар сзади вернулись последними, потому что железо ее тело помнило гораздо дольше, чем вчерашнюю ночь.

На несколько мгновений Мирина снова оказалась в гладиаторской школе, где песок учебного двора обжигал босые ступни, а она сама была слишком худой для тяжелого меча и слишком упрямой, чтобы признать это обстоятельство существенным. Запястья тогда были стерты тренировочными кандалами, напротив стоял мужчина вдвое тяжелее нее, а наставник, укрывшийся от полуденного зноя под навесом, наблюдал с тем равнодушием, которым взрослые иногда особенно успешно доводят детей до бешенства. Она рванула цепь, пытаясь высвободить руку, и услышала только короткое:

— Еще.

Вторая попытка содрала кожу до крови, однако железо осталось железом, и наставник наконец произнес фразу, которую Мирина впоследствии помнила значительно лучше его имени:

— Ты воюешь с железом, а железу все равно, насколько сильно ты его ненавидишь. Если собираешься победить, сначала перестань требовать от мира, чтобы он подчинился твоей ярости.

Тогда она не поняла последней части, зато перестала тянуть. Почувствовала длину цепи, ее вес, движение руки противника, дождалась, когда он потянет первым, и вместо отступления шагнула навстречу; железо обернулось вокруг его запястья, короткий рывок выбил равновесие, и через мгновение взрослый мужчина лежал на песке. Наставник впервые посмотрел на нее без презрения.

— Вот теперь ты думаешь.

Мирина открыла глаза. Над ней темнел низкий каменный свод, руки были скованы впереди, ножные кандалы соединяла еще одна цепь, а оружие, плащ и сапоги исчезли вместе с большей частью ее терпения. Она медленно села, переждала головокружение и лишь тогда вспомнила самое важное.

— Инри...

— Здесь, — отозвалась та прежде, чем Мирина успела закончить.

Инри сидела у противоположной стены; короткие золотистые волосы растрепались, возле виска запеклась кровь, запястья тоже были закованы, однако большие голубые глаза оставались ясными, и уже одно это позволило Мирине сделать первый нормальный вдох. Она придвинулась настолько, насколько позволяла цепь, и, не обращая внимания на усталое выражение подруги, принялась ее осматривать.

— Посмотри на меня и постарайся несколько секунд не доказывать, что прекрасно себя чувствуешь. Тебя тошнит, голова кружится, перед глазами двоится?

— Пока только раздражает женщина, которая задает сразу три вопроса и явно собирается сама решить, какие ответы считать правильными.

— Значит, речь не пострадала. Уже хорошо.

Инри терпеливо позволила проверить зрачки, после чего мягко поймала Мирину за пальцы.

— Мири, я жива. Если положение изменится, обещаю сообщить первой.

Мирина еще мгновение всматривалась в ее лицо и только потом отступила.

— Пока согласна считать тебя живой, хотя окончательное решение оставлю за собой.

— Не представляю, как мне повезло с такой щедрой подругой.

Убедившись, что немедленной угрозы нет, Мирина занялась подвалом. Сырой камень, тяжелая дверь, обитая железом, узкая щель под потолком, слишком высокая даже для нее; за стенами время от времени слышались шаги, а где-то наверху жил обычной жизнью город, глухо шумевший над людьми, которым очень хотелось из него выбраться.

— Давно очнулась? — спросила Мирина, проверяя замок на кандалах.

— Не знаю, но раньше тебя. Они несколько раз заходили, осматривали нас и разговаривали так, словно мы мебель, которую надо доставить без царапин. За меня, кажется, обещали заплатить отдельно, а тебя просили не портить в лицо.

Мирина покрутила браслет. Железо было новым, замок — с двойным язычком, работа хорошая и явно не та, которую используют для случайного пьяницы.

— Очень заботливые люди. Начинаю чувствовать себя ценной.

— Ты понимаешь, кто они?

— Пока понимаю, кем они не являются, а иногда этого достаточно. Нас не схватили случайно: они знали о твоей магии, подготовили дым, знали, как быстро тебя обезвредить, а меня могли убить в переулке, но предпочли дважды оглушить. Даже эти кандалы подобраны не для случайного пленника, которого собираются продать на ближайшем углу.

Инри нахмурилась.

— Значит, мы нужны живыми.

— Пока да, и слово «пока» мне здесь нравится меньше всего.

— Для продажи?

Мирина оперлась плечом о стену.

— Продажа может быть частью дела, но обычному работорговцу все равно, кого украсть, лишь бы человек стоил денег. Эти выбирали заранее. Ты — дочь главы магов Элиона; вчера вечером мы сидели за одним столом с полководцем венделов и его ближайшим советником, а через несколько часов исчезли. Для шантажа, провокации или политического скандала начало почти образцовое.

— А ты?

Мирина слегка улыбнулась.

— Со мной им придется разбираться самостоятельно. Это несколько менее удобно, но зато будет интересно посмотреть, что именно они придумали.

За дверью послышались шаги, а затем сквозь дерево донеслись два слова — «площадь» и «полдень». Мирина повернула голову к Инри.

— Похоже, скоро узнаем, насколько нас высоко оценили.

* * *

Их вывели, когда солнце стояло почти в зените. После подвала свет резал глаза, и Инри инстинктивно отвернулась; Мирина без раздумий сместилась так, чтобы заслонить ее от прямых лучей. Охранник раздраженно подтолкнул Мирину в спину, однако, встретившись с ее взглядом, почему-то решил не повторять.

— Ты когда-нибудь перестанешь провоцировать людей, которые вооружены и численно нас превосходят? — тихо спросила Инри.

— Конечно. Как только они перестанут давать мне для этого столь убедительные поводы.

Во дворе ждала крытая повозка, где уже сидели седой старик, двое мужчин в железных ошейниках и женщина, прижимавшая к себе маленькую девочку. Никто не разговаривал, а ребенок долго смотрел на Мирину темными серьезными глазами, пока та первой не отвела взгляд. Этого оказалось достаточно, чтобы понять, куда их везут. Рынок встретил их тем же шумом, который сопровождал любой большой город в полдень: торговцы спорили о цене тканей, пахло пряностями и теплым хлебом, звенели монеты, у прилавка с фруктами ругались

две женщины, а за рядами обычного товара возвышался деревянный помост, возле которого собиралась другая, более внимательная толпа. Мирина остановилась. Города менялись, языки менялись, боги носили разные имена, однако торговля людьми всегда была устроена по одному принципу: стоило человеку подняться на несколько деревянных ступеней, как все, чем он был прежде, переставало иметь значение, а оставались только возраст, зубы, мышцы, кожа, здоровье и цена. Когда-то на таком же помосте стояла она сама. Инри легко коснулась ее руки. Не утешая и не спрашивая — просто напоминая, что настоящее существует и находится рядом. Мирина медленно выдохнула.

Их вывели последними. Торговец выглядел ухоженным, хорошо одетым и носил на пальцах столько колец, будто рассчитывал убедить покупателей в собственной респектабельности одним количеством драгоценных камней. Он начал с Инри, перечисляя ее достоинства с деловитостью человека, давно разучившегося видеть разницу между лошадью, тканью и живым существом, а потом взял ее за подбородок и повернул лицо к свету. Мирина шагнула вперед. Цепь натянулась, охранник ударил ее под ребра; воздух вышел из легких, но она удержалась на ногах и, медленно выпрямившись, посмотрела ему в лицо.

— Если ты еще раз к ней прикоснешься, я оторву тебе руку, и клянусь, цепи лишь сделают этот процесс интереснее.

— Мири, — тихо сказала Инри.

Только одно слово, без приказа и просьбы и Мирина отступила. Когда очередь дошла до нее, торговец осмотрел руки, плечи, старые шрамы, заметил мышцы человека, привыкшего к оружию, и объявил толпе, что товар, вероятно, обучен. Кто-то потребовал показать лицо, и охранник, которого Мирина уже успела предупредить, схватил ее за волосы. На этот раз ей пришлось всерьез удерживать себя. Не из-за боли, значительно хуже оказалось давно забытое ощущение чужого права распоряжаться ее телом, поворачивать голову, рассматривать шрамы, обсуждать мышцы и решать, сколько стоит женщина, которой почему-то не полагается иметь собственного мнения о сделке. Мирина знала, что могла убить его даже в цепях, но рядом стояла Инри, поэтому она осталась неподвижной.

— Эта будет дорогой, — объявил торговец, явно довольный произведенным впечатлением. — Здоровая, сильная, возможно, обучена обращению с оружием...

— Возможно?

Голос Мирина узнала сразу. Люди начали расступаться. Максен шел к помосту без парадных доспехов и алого плаща, запыленный после дороги, с мечом на боку; Цицеро двигался рядом, и по выражению обоих мужчин было ясно, что покупать они никого не собираются. Максен остановился у помоста и несколько секунд ничего не говорил. Его взгляд задержался на кандалах, синяке возле виска Инри, затем опустился к руке охранника, все еще державшей Мирину за волосы. Когда он наконец заговорил, голос был негромким.

— Убери руку, пока у тебя еще есть возможность сделать это самостоятельно.

Торговец попытался улыбнуться.

— Господин, если вас заинтересовал товар, мы могли бы...

Максен медленно обнажил меч.

— Кажется, я сформулировал недостаточно ясно. Убери от нее руку.

Охранник отпустил Мирину. Пока все внимание было приковано к Максену, Цицеро смотрел не на помост, а на площадь: отмечал выходы, людей под навесами, стрелка с арбалетом и тех, кто слишком пристально наблюдал за происходящим. Мирина проследила за его взглядом и впервые подумала, что человек со шрамом ей нравится значительно больше, когда занят полезным делом.

— Продажа законна, — пробормотал торговец.

— Уже нет, — спокойно ответил Цицеро.

Стрелок поднял арбалет, но Цицero оказался быстрее. После первого выстрела рынок перестал быть рынком.

Максен прорвался к помосту, и Мирина почти сразу заметила разницу между вчерашним поединком и настоящим боем. В «Сломанном весле» он позволял себе удовольствие, проверял противника, ловил ритм; теперь не было ни красивых движений, ни желания произвести впечатление — только скорость, точность и привычка заканчивать схватку прежде, чем противник успеет понять собственную ошибку. Цицero действовал еще холоднее, выбирая не ближайшего врага, а самого опасного. Мирина ждать освобождения не собиралась. Один из охранников подошел слишком близко, решив, что связанные руки делают ее безопасной, и это было последней ошибкой, которую он совершил сегодня. Мирина позволила ему ухватить себя за плечо, пропустила цепь между ладонями, шагнула навстречу и использовала его собственный рывок; железо обвилось вокруг запястья, человек потерял равновесие, а ее колено закончило спор. Когда-то наставник научил ее не воевать с железом, теперь железо работало на нее. Выпавший нож подняла Инри.

— Дай руки, — сказала она, уже взясь с замком. — И постарайся хотя бы минуту никого не убивать.

— Ничего не обещаю.

Через несколько мгновений один браслет открылся. Охранник рванулся к Инри, но Максен перехватил его; почти одновременно Цицero подхватил чужой меч и бросил Инри.

— Умеете пользоваться?

Она поймала оружие обеими руками и коротко проверила баланс.

— Достаточно хорошо, чтобы вы не тратили время на спасение.

Цицero посмотрел на нее всего мгновение.

— Именно это я и хотел услышать.

Он не стал заслонять ее собой. Мирина заметила это даже в драке. Когда все закончилось, площадь опустела наполовину, освобожденные пленники сбились у повозок, а солдаты Максена обыскивали тех, кто остался жив. Мирина, сидя на краю помоста, пыталась открыть второй браслет и уже начинала подозревать, что замок создан человеком, лично ненавидевшим свободу, когда рядом появился Максен.

— Позвольте помочь. Вы уже доказали всем присутствующим, что способны справиться самостоятельно.

Мирина даже не подняла головы.

— Если я позволю вам снять с меня цепь, вы решите, что спасли меня дважды за два дня, а ваше самолюбие и без того выглядит вполне здоровым.

— Значит, дело исключительно в заботе обо мне?

— Разумеется.

Он протянул руку к замку.

— Я сказала: сама.

Максен на мгновение задержал взгляд на ее лице. Ни приказа, ни жалости в его выражении не было, и именно поэтому Мирине не пришлось повторять.

— Хорошо, — сказал он и убрал руку. — Но если через четверть часа вы все еще будете спорить с замком, я оставляю за собой право наслаждаться зрелищем.

— Через четверть часа от замка ничего не останется.

— Вот поэтому я и не сомневаюсь.

Замок поддался с третьей попытки.

* * *

До военного лагеря в тот день не добрались: освобожденные пленники были слишком измучены, несколько человек нуждались в лекаре, поэтому стоянку разбили в ложбине, защищенной от ночного ветра низкими холмами. С запада тянуло прохладой, в сухой траве стреко-

тали поздние насекомые, над темным краем земли поднимались звезды, а костры, рассыпанные по стоянке, казались маленькими островами тепла среди огромной ночи. Инри осмотрел лекарь и заявил, что, кроме ушиба, причин для тревоги нет. Мирина заставила его подтвердить это дважды и лишь после второго раза решила, что человек, вероятно, действительно понимает собственную профессию. К ночи Инри уснула.

Мирина сидела у костра, завернувшись в чужой плащ, и время от времени касалась лежавшего рядом меча. Его нашли среди вещей работоторговцев и вернули, и одно присутствие знакомой рукояти делало мир немного более правильным. Она долго смотрела в огонь, пока перестала видеть этот костер. Когда-то пламя означало дом.

Волки ставили шатры широким кругом, оставляя середину детям, собакам и кострам; зимой снег вокруг огня становился золотым, летом над углями сушили мясо и горькие травы, женщины спорили о запасах, мужчины чинили оружие, а старый резчик выстругивал из дерева маленьких зверей, которых дети потом неизменно теряли в траве. Мирина помнила запах мокрых волчьих шкур, холодные рассветы, лошадиное дыхание в морозном воздухе и то абсолютное детское убеждение, что мир устроен именно так и, следовательно, всегда таким останется. В ночь, когда пришли люди Каллина, первым тоже был запах дыма. Она проснулась от крика лошадей и выбралась из шатра босиком, не сразу осознав, почему горит дальний край стоянки и откуда среди Волков взялись чужие всадники. На нападавших не было знаков отличия, но двигались они слишком слаженно для обычных разбойников. Лишь позже Мирина узнает, кому они служили. Тогда имя Каллина ничего для нее не значило, она видела только, как умирают свои.

Один из воинов толкнул ее к лесу, велел бежать, однако ей уже хватало лет, чтобы понимать смерть, и еще не хватало, чтобы принимать единственно разумные решения. Мирина искала знакомые лица до тех пор, пока не увидела у перевернутой повозки старого резчика, рядом с которым в снегу лежал недоделанный деревянный волк. Она подняла фигурку. Кто-то схватил ее сзади, зажал рот, и от чужой руки пахло кожей, железом и потом.

— Эту живой.

Другой мужчина ответил:

— Каллин велел проверить всех.

Имя осталось в памяти именно так — без лица, среди дыма и чужих пальцев. Мирина укусила державшего ее человека, получила удар и упала в снег, а подняв голову, увидела нескольких уцелевших Волков, согнанных к горящим шатрам. Один из нападавших поднял меч. Дальнейшее память никогда не возвращала целиком. Остались только кровь на снегу, ярость, слишком огромная для детского тела, ветер, внезапно ударивший в стоянку, и гром над ясным небом. Пламя пригнулось к земле, лошади обезумели, оружие вырывало из рук, люди падали, а кто-то кричал имя бога, которого Мирина знала только из старых сказаний.

Водан.

Когда все закончилось, людей Каллина не осталось. Мирина стояла босая среди мертвых, с деревянным волком в руке, и не помнила, как их убила. Она спасла своих. На несколько мгновений ей показалось, что этого достаточно. Потом женщина, знавшая ее с младенчества, отступила, когда Мирина подошла ближе. Старый охотник отвел взгляд, один из мальчиков спрятался за взрослого, а остальные смотрели на нее так, как прежде смотрели в темноту за границей костров. Нет, никто не называл ее чудовищем, это было бы даже проще, уцелевшие лишь начали обращаться с ней слишком осторожно: разговоры стихали, детей старались не оставлять рядом, прикосновения стали редкими и бережными. Она спасла Волков и перестала быть одной из них. Позже появились торговцы. Никто не объявил, что продает Мирину, просто однажды кто-то заплатил за нее. Много лет она пыталась убедить себя, что это была случайность.

В гладиаторскую школу ее привезли еще ребенком, и там происхождением почти никто не интересовался, потому что ценились вещи значительно проще: скорость, сила, способность терпеть боль, быстро учиться и выживать после ошибок. Мирина научилась. Гораздо позже, уже имея доступ к книгам школы, она увидела старые счета и поняла, что содержание, наставники, оружие и лекари были оплачены на несколько лет вперед. Под записью стояло имя — Каллин. Человек, чьи люди уничтожили Волков, заплатил за то, чтобы уцелевшая девочка стала профессиональным убийцей. Зачем — Мирина не знала до сих пор.

Полено треснуло, выбросив в воздух искры.

— Мирина.

Она подняла голову, по другую сторону костра стоял Максен. Прошлому потребовалось несколько мгновений, чтобы отступить; постепенно вернулись темная ложбина, часовые, спящая неподалеку Инри, чужой плащ на плечах и собственные руки со старыми шрамами. Максен чуть кивнул на свободное место.

— Можно я сяду, или сегодняшняя квота на мое вмешательство в вашу жизнь уже исчерпана?

Мирина посмотрела на него поверх огня.

— Вы уже стоите возле моего костра, поэтому вопрос задан с некоторым опозданием, но сам факт, что вы его задали, можно считать прогрессом.

— Значит, учусь.

— Медленно, но надежда есть.

Он сел напротив, оставив между ними костер и достаточно пространства, чтобы Мирина не чувствовала ни вторжения, ни необходимости отодвигаться. Она заметила это машинально и тут же рассердилась на себя за то, что вообще стала замечать подобные вещи. Максен посмотрел туда, где спала Инри.

— Лекарь сказал, что с ней все в порядке, но, поскольку вы заставили его повторить это дважды, я начинаю подозревать, что первого заключения оказалось недостаточно.

— Вам он сказал один раз?

— Один. Почему-то мне хватило.

— Недостаток воображения.

— Или доверие человеку, который учился лечить дольше, чем я.

— Вот видите, еще хуже.

Максен тихо рассмеялся, но не спросил, о чем она думала прежде, чем он подошел. Мирина неожиданно оценила эту сдержанность и, чтобы не задерживаться на неприятной мысли, первой перевела разговор.

— Вы нашли нас довольно быстро.

Улыбка исчезла с его лица.

— Недостаточно быстро.

— Мы обе живы, значит, достаточно. Я бы не советовала искать трагедию там, где она не успела состояться.

Максен несколько мгновений смотрел на пламя, прежде чем ответить:

— Когда мы нашли тот переулок, вас там уже не было, однако кровь осталась. Цицеро сообщил, что ее немного, а я почему-то не нашел это обстоятельство особенно утешительным.

— Она была моя, если вам станет спокойнее.

— Не стало.

Мирина склонила голову.

— Почему вы выглядите так, будто произошедшее нанесло личное оскорбление именно вам?

— Потому что вас похитили в моей столице через несколько часов после того, как вы сидели со мной за одним столом. Можно сколько угодно говорить о государственной ответ-

ственности, но мне не по душе, когда с моих улиц забирают людей и продают их, особенно когда я знаю этих людей.

— «Уже знаете» — довольно смелое утверждение после одного ужина и поединка.

— Я не сказал, что знаю хорошо.

— Вот теперь звучит разумнее. А я уже начала опасаться, что вы просто благородный человек.

— Это было бы непростительно.

— Почти.

Максен снова посмотрел на огонь, и Мирина заметила, как переменялось его лицо.

— На рынке тот человек держал вас за волосы.

Внутри мгновенно поднялось напряжение.

— У вас действительно слишком хорошая память.

— Вы могли его убить даже в цепях. Я видел, как вы использовали их через минуту, поэтому не сомневаюсь. Но не убили.

— Рядом была Инри.

Он не торопился отвечать.

— То есть вы знали, что если сорветесь, первым последствием может стать удар по ней.

— Не делайте из этого красивых выводов, Максен. Люди обожают объяснять чужие поступки так, чтобы потом ими было удобно восхищаться.

— Тогда объясните сами.

Мирина посмотрела на него почти с удивлением.

— Вы всегда так легко предлагаете человеку рассказать то, что он, возможно, несколько лет старательно учился не вспоминать?

Вопрос заставил его остановиться. Максен несколько секунд смотрел ей в глаза, затем медленно покачал головой.

— Нет. И, пожалуй, сейчас это прозвучало хуже, чем я хотел. Если не хотите говорить, то не говорите; я спросил, а не потребовал.

Она ожидала второго вопроса, осторожного сочувствия или хотя бы того специального выражения лица, с которым люди обычно готовятся проявить понимание. Ничего не последовало.

— Вы странный человек, — сказала Мирина.

— После вчерашнего поединка я готов принять это почти за комплимент.

— Не торопитесь обольщаться. До комплимента еще далеко.

— Тогда подожду.

Некоторое время они сидели молча, слушая потрескивание веток и ночной ветер в траве. Максен первым нарушил тишину:

— Вам не нужно меня благодарить за рынок.

— Вот это облегчение. Я как раз пыталась придумать, как пережить подобное унижение.

— Я серьезно. Не хочу, чтобы вы решили, будто после сегодняшнего чем-то мне обязаны — расположением, доверием или хотя бы хорошим отношением.

Мирина посмотрела внимательнее.

— Почему вам настолько важно, чтобы я этого не решила?

— Потому что я пришел бы за вами снова, даже если бы заранее знал, что после освобождения вы будете спорить со мной у каждого костра.

Она чуть прищурилась.

— Не говорите того, чего не можете обещать.

— Я и не обещаю.

— Тогда что именно вы сейчас делаете?

Максен улыбнулся едва заметно.

— Сообщаю о неприятной особенности своего характера.

Мирина не удержалась от усмешки.

— Появляться там, где вас не ждут?

— Вчера вы занесли меч над моим горлом, а сегодня спорите со мной, хотя я освободил вас из рабства. Думаю, ожидание приглашения уже было бы излишней осторожностью.

— Я не просила меня освобождать. Я почти справилась сама.

— Разумеется. Думаю, еще несколько минут, и весь рынок пришлось бы перестраивать.

Она улыбнулась, однако улыбка быстро исчезла. Максен это заметил.

— Не шутите о рынке, если вам неприятно.

— Я не шутила о нем.

— Нет. Вы шутите обо всем, что было после. И, насколько я успел заметить, чем меньше вам смешно, тем лучше становятся шутки.

Мирина медленно повернула голову.

— И к чему этот замечательный анализ?

— Ни к чему. Просто хочу понять, почему.

Она могла ответить привычной колкостью, но огонь перед глазами слишком легко превращался в другой — тот, среди которого кричали Волки, поэтому ответ получился честнее, чем ей хотелось.

— Потому что иначе придется признать, что мне было страшно.

Максен не изменился в лице и, что оказалось важнее, не потянулся к ней через огонь.

— Тогда это вполне хорошая причина.

Мирина прищурилась.

— И все? Ни мудрой речи, ни заверений, что теперь я в безопасности?

— Вы ждали речи?

— От прославленного полководца? Разумеется. У вас должна быть подготовлена хотя бы одна на каждый случай.

— Обычно есть, но сегодня придется вас разочаровать. Я устал.

Мирина рассмеялась, на этот раз искренне.

— Тогда завтра.

— Что завтра?

— Речь.

— Посмотрю, заслужили ли вы.

Она еще улыбалась, когда сказала:

— Спокойной ночи, Максен.

Границу он понял сразу.

— Спокойной ночи, Мирина.

Когда он ушел, она еще долго смотрела в огонь. Когда-то Волки увидели ее силу и испугались, Каллин увидел ту же силу и решил сделать полезной. С тех пор люди, узнавшие, на что Мирина способна, обычно выбирали одно из двух: отступали или пытались присвоить. Максен пока не сделал ни того, ни другого, именно поэтому он был значительно опаснее.

* * *

Утром они добрались до лагеря венделов. Он раскинулся на равнине несколькими кольцами, вписанными в холмистую местность: ближе к центру стояли командные шатры, дальше тянулись палатки легионеров, за ними коновязи, повозки и временные кузницы. Ветер тянул по траве запах дыма, лошадей и вареной крупы, над рядами палаток хлопали знамена, а в стороне темнела широкая полоса леса. Максена начали перехватывать с донесениями еще у первых постов. Мирина наблюдала, как мужчина, сидевший ночью напротив нее у костра и шутливо жаловавшийся на усталость, за несколько минут становится человеком, которому подчиняется несколько тысяч воинов. В голосе почти исчезла прежняя легкость, вопросы стали точными,

решения следовали одно за другим, но ни одно не выглядело поспешным. Ей не нравилось, что она уже знала обе его стороны, еще меньше нравилось, что обе были настоящими.

Инри ушла к лекарскому шатру, а Мирина собиралась последовать за ней, когда Максен закончил разговор с офицером и подошел.

— Для вас обеих приготовили шатер рядом с лекарским. Там уже оставили еду, воду и ваши вещи.

— Благодарю. Тогда мы заберем все необходимое и уйдем до полудня.

Максен помолчал.

— Нет, Мирина. Именно этого вы пока не сделаете.

Она медленно выдохнула.

— Какое удивительно емкое слово. Особенно приятно, когда его произносят люди, еще вчера освобождавшие тебя из цепей.

— Я понимаю, как это звучит, поэтому позволю себе объяснить до того, как вы начнете сравнивать меня с работоторговцами. Люди, похитившие вас, знали, где вы будете, с кем провели вечер и каким способом обезвредить Инри. Мы до сих пор не выяснили, кто им заплатил и зачем понадобились именно вы две. Пока этого не узнаем, я хочу, чтобы вы оставались там, где могу обеспечить защиту.

— «Вы» — это обе?

— Да. Инри тоже.

Мирина несколько мгновений смотрела на него.

— И сколько, по-вашему, должен длиться этот неожиданно заботливый плен?

Максен явно заранее знал, что ответ ей не понравится.

— Месяц.

Тишина между ними стала значительно холоднее утреннего ветра.

— Это просьба или приказ?

Он мог бы попытаться смягчить формулировку, но не стал.

— Приказ, если вы заставляете меня выбирать между вашим недовольством и возможностью через несколько дней снова искать вас на невольничьем рынке.

Мирина улыбнулась. Максен уже достаточно хорошо ее знал, чтобы понять: улыбка не означает ничего хорошего.

— Тогда все действительно ясно. Вчера нас держали в цепях люди, которые собирались продать тому, кто предложит больше. Сегодня нас без цепей оставляет при себе человек, который просто не собирается отпускать. Должна признать, прогресс заметный.

— Не передергивайте мои слова. Вы прекрасно знаете, что я не считаю вас пленниками.

— Я всего лишь пытаюсь разобраться в терминологии. Если человек не может уйти, когда захочет, меня всегда интересовало, насколько сильно меняется сущность положения от того, что стража улыбается вежливее.

Максен тяжело выдохнул.

— Вы будете свободно передвигаться по лагерю, сможете заниматься чем захотите, работать с врачами, ездить внутри охраняемой территории...

— То есть мне позволено все, кроме одного несущественного занятия — уйти.

— Пока да.

— Тогда в основных вопросах моя свобода действительно неприкосновенна.

— Я не покупал вас на рынке.

Мирина вскинула бровь.

— Вот здесь невозможно спорить. Вы просто забрали нас бесплатно.

В другой ситуации выражение его лица ее бы развеселило, но сейчас — нет.

— Вы прекрасно понимаете разницу.

— Понимаю. У тех хотя бы была честная цена.

— Мирина.

Предупреждение в его голосе заставило ее улыбку исчезнуть.

— Что?

— Не сравнивайте меня с ними.

Она посмотрела прямо ему в глаза.

— Тогда не поступайте так, чтобы мне приходилось искать различия.

Максен замолчал. Несколько мгновений они стояли друг напротив друга посреди лагеря, где вокруг шли солдаты, ржали лошади, стучало железо и десятки людей старательно делали вид, будто их совершенно не интересует разговор командующего с женщиной, которая явно не собиралась признавать его командующим над собой.

Максен заговорил первым, уже тише:

— Вы не рабыни. Я не требую от вас службы, не отнимаю имущество и не распоряжаюсь вашей жизнью.

— Кроме ближайшего месяца.

— Я пытаюсь сохранить вашу жизнь.

— Это очень благородная формулировка, но право распоряжаться собственной безопасностью все еще принадлежит мне.

— Если бы риск касался только вас, я, возможно, даже согласился бы. Но похитили обеих, Инри связана с магами Элиона, вы узнали знак в Нижних Рвах, а этот же знак мы обнаружили у людей на рынке. Кто-то связал вас с делом, которым Цицero занимался еще до вашего появления, и сделал это раньше, чем мы поняли, что вообще существует связь.

Мирина медленно прищурилась.

— Не надо использовать Инри, чтобы убедить меня.

— Я не использую ее.

— Только что использовали. Вы прекрасно знаете, что за себя я рискну легче, чем за нее, поэтому положили подругу на ту чашу весов, которую хотели сделать тяжелее.

Максен поморщился.

— Хорошо. Это было нечестно.

Мирина замерла.

— Повторите.

Он почти улыбнулся.

— Нет, одного раза более чем достаточно.

— Жаль, мне понравилось.

Напряжение немного ослабло, но лишь настолько, чтобы они снова могли разговаривать, а не ждать следующего удара.

Максен продолжил:

— Я не хочу запира́ть вас, Мирина, и понимаю, что после вчерашнего любое ограничение свободы вы воспринимаете иначе, чем большинство людей, но мне также не нравится мысль снова увидеть вас в цепях.

Последняя фраза прозвучала резче и интимнее, чем он, вероятно, намеревался. Мирина почувствовала это и замолчала.

— Вы думаете, я не понимаю, что для вас означает приказ остаться? — спросил он после короткой паузы.

— Нет. Я думаю, что вы только начинаете понимать, а потому пока слишком легко считаете собственные добрые намерения достаточным основанием для чужого подчинения.

— Возможно. Но угроза от этого не исчезает.

— И мое право решать, что с ней делать, тоже.

Максен несколько секунд смотрел на нее, словно взвешивал, стоит ли произносить следующее.

— Вы мои гости.

Мирина почти сочувственно покачала головой.

— Нет, Максен, гостей отпускают домой.

— Тогда считайте себя союзниками.

— Союз заключают две стороны. У нас пока больше похоже на очень вежливую оккупацию.

— Друзьями?

На этот раз она действительно рассмеялась, хотя веселья в смехе было немного.

— Друзьями? Мы знакомы два дня, один из которых я провела в кандалах.

— Я не сказал, что мы близкие друзья.

— Какая предусмотрительность.

— Я пытаюсь объяснить, что вы здесь не как пленницы.

Мирина посмотрела на него долго и спокойно.

— Тогда запомните одну простую вещь. Друзей не выставляют на рынке, но и после освобождения не решают за них, где они проведут следующий месяц. Если вы действительно хотите, чтобы когда-нибудь я увидела в вас человека, которому можно доверять, начинать с запрета уйти — довольно своеобразная стратегия.

На мгновение в нем исчез полководец, остался мужчина, который понял, что аргумент закончился раньше спора.

— Я пришел на рынок, чтобы вас освободить.

— И я вам благодарна.

Максен удивленно поднял брови.

— Кажется, это первый раз, когда вы сказали подобное без угрозы.

— Не привыкайте, благодарность — не долговая расписка и не документ на право распоряжаться моей свободой.

— Я никогда не утверждал обратного.

— Вы назначили месяц моей жизни без моего согласия. После этого слова становятся необязательны.

Он отвел взгляд всего на мгновение, собираясь с терпением.

— Тогда предложите решение, которое не потребует от меня каждую ночь гадать, не похитили ли вас снова.

— О, теперь это еще и ваша бессонница?

— Представьте себе.

Мирина скрестила руки.

— Через месяц мы с Инри уходим, если сами не решим остаться. Не «поговорим снова», не «посмотрим по обстоятельствам», не «государственная необходимость внезапно изменилась». Через месяц решение снова принадлежит нам.

Максен задумался, она ждала, не помогая.

— Хорошо.

— Обе.

— Обе.

— Без внезапно возникшей войны, приезда короля, нападения дракона и прочих государственных обстоятельств.

— Если действительно начнется война или появится дракон, я оставляю за собой право хотя бы пожаловаться.

— Жаловаться разрешаю, я сегодня вообще необычайно великодушна.

Максен наконец улыбнулся.

— Значит, договорились?

— Нет. Вы поставили меня перед выбором между месяцем добровольного плена и бессмысленной попыткой прорваться через ваш лагерь, а я решила не портить отношения с Инри дракой, которую она непременно сочтет излишней. Это не совсем то же самое, что договоренность.

— Но здравый смысл победил.

Мирина посмотрела на него с притворным возмущением.

— Не оскорбляйте меня.

Именно в этот момент из лекарского шатра вышла Инри, несколько секунд оценила расстояние между ними и выражения лиц, после чего спросила:

— Мне действительно стоит узнавать, что произошло, или лучше сохранить остатки спокойствия?

— Нас оставляют здесь на месяц, — сообщила Мирина. — Под защитой.

Максен кивнул.

— Именно так.

— Под охраной, — добавила Мирина. — Но это, конечно, исключительно техническая деталь. У рабов цепи, у нас шатер.

Максен прикрыл глаза. Инри посмотрела сначала на него, затем на Мирину.

— И чем закончился спор?

— Я великодушно разрешила ему оставить нас в плену.

— Она согласилась остаться, — одновременно произнес Максен.

Инри медленно кивнула.

— Прекрасно, значит, через месяц я выясню, кто из вас сейчас врет.

— Я никогда не вру, — сказала Мирина.

Максен посмотрел на нее.

— Вчера вы несколько часов были мужчиной.

— Это было недоразумение окружающих. Я никому не обещала соответствовать их ожиданиям.

Инри рассмеялась, а Максен покачал головой.

— Ваш шатер третий от лекарского.

— Замок есть? — спросила Мирина.

— Нет.

— Вот теперь условия действительно становятся приемлемыми.

Она взяла Инри под руку и направилась между палатками, когда они отошли достаточно далеко, Инри тихо спросила:

— Ты ведь понимаешь, что он действительно пытается нас защитить?

Мирина не ответила сразу и обернулась. Максен все еще стоял на прежнем месте и смотрел им вслед, но, заметив ее взгляд, не отвел глаза.

— Конечно, понимаю, — сказала она наконец. — Именно поэтому все так сложно.

Через несколько минут возле Максена появился Цицero.

— Месяц? — спросил он, глядя вслед женщинам с тем выражением, которое обычно предшествовало особенно неприятному замечанию.

Максен даже не повернул головы.

— Ты подслушивал?

— Весь лагерь подслушивал. Особенно сильное впечатление произвела часть про рабство, хотя сравнение формы охраны с тюремной тоже имело успех.

— Если ты сейчас же не исчезнешь, я найду тебе государственную службу где-нибудь на дальней границе.

— К сожалению, у меня уже есть одна здесь.

Максен наконец посмотрел на друга.

— Что нашел?

Цицero протянул сложенный лист, где внутри круга пересекались три линии, а затем достал старый пожелтевший фрагмент с тем же знаком у нижнего края. Максен сразу перестал улыбаться.

— Это из свитков, которые ты привез?

— Да. Первый знак был у одного из людей на рынке, второй — на тексте, найденном в походе. Значения я пока не знаю, но есть деталь, которая мне нравится еще меньше.

— Какая?

Цицero убрал один лист и посмотрел туда, где скрылись Мирина и Инри.

— Мирина этот знак уже видела.

Максен помолчал.

— Откуда?

— Именно это я и собираюсь выяснить.

Он вернул пергамент.

— Осторожнее.

Цицero медленно повернул к нему голову.

— Ты сейчас предупредил меня быть осторожнее с ней?

— Я вчера с ней дрался.

— И закончил ничьей.

— Вот именно.

— Поразительно убедительная система оценки угроз.

Максен снова посмотрел в сторону женского шатра. Еще вчера Мирина была незнакомцем под капюшоном, способным остановить клинок у его горла; сегодня он уже знал, что она шутит именно тогда, когда ей особенно не смешно, воспринимает любое распоряжение собственной жизнью почти как нападение и гораздо легче признает страх, чем зависимость. Он все еще почти ничего о ней не знал, и впервые за много лет ему хотелось не понравиться женщине, не очаровать ее и даже не заставить доверять. Хотелось однажды оказаться человеком, которому она сама решит довериться. Цицero проследил за его взглядом.

— Максен, месяц — это довольно долго.

Максен медленно повернулся.

— Для расследования?

— Разумеется, о чем еще я мог говорить?

Лицо Цицero оставалось совершенно невозмутимым. Максен прищурился.

— Иногда я тебя ненавижу.

— Нет. Иногда тебе просто неприятно, когда я оказываюсь наблюдательнее, чем хотелось бы.

— Это и есть разновидность ненависти.

— Переживу.

Они направились к командному шатру, а ветер над лагерем трепал знамена, нес запах травы и дыма и как будто совершенно не интересовался тем, что один месяц, назначенный из осторожности, уже начал менять значительно больше, чем планы расследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.